В.Ю. Белоногова (Нижний Новгород)

К ПУШКИНСКИМ АЛЛЮЗИЯМ В «ЗАПИСКАХ СУМАСШЕДШЕГО»

«Мифу о дружбе двух гениев» - больше полутора столетий. Родился он, как известно, с легкой руки самого Гоголя. С явных преувеличений в его рассказах о дружбе с Пушкиным и Жуковским в юношеских письмах матери и друзьям. С подчеркнутых высказываний о заботливом наставничестве Пушкина по отношению к младшему собрату в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Авторской исповеди». Все это подтолкнуло многих исследователей, начиная с Шенрока, к преувеличенным выводам. История опровержений мифа о дружбе Пушкина и Гоголя не намного короче, начиная с записок Н.И.Тарасенко-Отрешкова (1908) и статьи Б.Лукьяновского «Пушкин и Гоголь в их личных отношениях. Вопрос о «дружбе»» (1915).

Из современных исследователей наиболее пристально взглянул на эту проблему И.П.Золотусский. «Существует легенда, - пишет он, - что Пушкин давал Гоголю сюжеты, а потом сердился, что «этот малоросс обирает меня». Существует миф о необыкновенной дружбе Пушкина и Гоголя. Ни того, ни другого на самом деле не было»[1].

Говоря о сложности и неоднозначности личных отношений между двумя гениями, исследователь вспоминает о неловкостях, с самого начала возникавших в этих отношениях, о примерах почти хлестаковского амикошонства Гоголя по отношению к Пушкину, при всем почтении к нему. Наконец об их принципиальных расхождениях во взглядах на журнальную критику во время работы над «Современником». Расхождениях, которые, по мнению Золотусского, во многом и привели к окончательному охлаждению этих отношений (не повлиявшему, впрочем, на дальнейшую публикацию художественной прозы Гоголя в «Современнике» и на дальнейшие хлопоты Пушкина о постановках «Ревизора»). К приведенным можно добавить еще один довод – почти полное отсутствие переписки (девять за шесть лет писем Гоголя и три пушкинских – не в счет, так как чаще всего это даже не письма, а записки, и, в основном, сугубо деловые). И это при том, что каждый нередко и надолго уезжал из Петербурга. А ведь переписка для духовно близких людей в Х1Х веке была делом более чем естественным.

Глубинную причину этих сложностей И.П.Золотусский видит в закономерном процессе «самоопределения гения». «…Это неизбежно при смене власти на поэтическом престоле»[2]. В подтверждение этой мысли приводится пример Достоевского, который в повести «Бедные люди», вдохновленной гоголевской «Шинелью», по существу, высмеивает эту

---

[1] Золотусский И.П. Двух гениев полет//Золотусский И.П. На лестнице у Раскольникова. М., 2000,с.13.
[2] Там же, с. 16.

«Шинель» с ее идеей о «брате нашем», смахивающей, в оценке Макара Девушкина, больше на «пасквиль», чем на жалость.

Наверное, так оно и есть. Но Достоевский не был лично знаком с Гоголем. Тогда как факт личного знакомства Гоголя с Пушкиным наложил очень существенный отпечаток и на создание образа Пушкина в поздней гоголевской публицистике, и на образ поэта в творчестве Гоголя 30-х годов. В том числе на отношение Гоголя к феномену пушкинской славы в пору южных поэм в 20-е годы и к падению этой славы к началу 30-х годов, что нашло отражение в гоголевском творчестве того времени. Критические нападки на Пушкина (в статьях Н.И.Надеждина, Ф.Булгарина, Н. Полевого) стали одним из проявлений острой полемики, шедшей между новой демократической критикой и так называемой «литературной аристократией». Как менялось отношение Гоголя к этой полемике и к так называемому пушкинскому мифу на протяжении 30-х годов?

В статье «Борис Годунов. Поэма Пушкина» (1831) Гоголь едва ли не святотатством называет всенародные суждения о поэте, «когда прения их вздымают бурю и запенившиеся уста горланят на торжищах»[3]. Явно ученическая и откровенно апологетическая статья осталась тогда неопубликованной. Но интересно само намерение начинающего автора публично высказать свое восторженное одобрение пушкинской вещи, вызвавшей в печати преимущественно критические отзывы.

Через год в 1832 году он напишет статью «Несколько слов о Пушкине». Где помимо всего прочего выскажет свои взгляды на проблемы писательского успеха и свое отношение к тому, что мы теперь называем «пушкинским мифом 30-х годов». В противостоянии демократической журналистики, отвергающей «салонную литературу» и полагающей широкую публику высшим судом для поэта, и писателей пушкинского круга, которым близка ориентация на поэзию для немногих, Гоголь явно на стороне вторых. Заключительные строки статьи Гоголя перекликаются с мыслями Жуковского о «непристрастной заслуженной похвале избранных»[4] и с суждениями самого Пушкина, высказанными им в болдинской статье, названной при публикации «Баратынский», о поэте, который по мере возрастания своего таланта «мало-помалу уединяется совершенно… и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии»[5].

Говоря о феноменальной пушкинской славе в статье «Несколько слов», Гоголь сетует: «Все кстати и не кстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какие-нибудь ярко сверкающие отрывки его поэм». В примечании он с возмущением пишет о печальной участи любого таланта, пользующегося большой известностью, о многочисленных подделках и о приписывании Пушкину самых нелепых стихов: «Лекарство от холеры», «Первая ночь» и тому подобных (Т. 7, с. 59). На этот момент отношение

---

[3] Гоголь Н.В. Собр. соч. М., 1984, т. 7, с. 11. Далее ссылки на это издание в тексте.
[4] Жуковский В.А. Письмо из уезда к издателю//Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1985, с.165-166.
[5] Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л., 1978, т.7, с. 153.

Гоголя к публичной славе и ее издержкам однозначно. В его тоне звучит даже нечто сальериевское: «Мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери» в ответ на моцартовское: «Ужель и сам ты не смеешься?»

Но пройдет три года, и Гоголь во время работы над «Ревизором» вернется к упомянутой в статье «Несколько слов о Пушкине» подделке. Однако на этот раз тоже попробует посмеяться. В первоначальной редакции комедии осталась пространная тирада Хлестакова: «А как странно сочиняет Пушкин, вообразите себе: перед ним стоит в стакане ром, славнейший ром, рублей по сту бутылка, какова только для одного австрийского императора берегут, - и потом уж как начнет писать, так перо только тр…тр…тр… Недавно он такую написал пьесу: Лекарство от холеры, что волосы дыбом становятся. У нас один чиновник с ума сошел, когда прочитал. Того же дня приехала за ним кибитка и взяли его в больницу…»[6].

Правда, из печатной редакции 1836 года Гоголь этот эпизод все-таки исключит. И после смерти Пушкина в варианте 1842 года восстановит в хлестаковской болтовне только строки об откровенном амикошонстве героя: «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» - «Да так, брат, - отвечает, бывало, - так как-то все…» Большой оригинал» (Т. 4, с. 45). Так или иначе, появление Пушкина в качестве внесценического персонажа комедии – это, безусловно, дань моцартианской игре. В.В. Прозоров справедливо считает, что с этого гоголевского эпизода берет начало традиция комически сниженного портрета Пушкина в быту – литературном, светском, дружеском, любовном. Традиция, «с разной мерой вкуса поддерживаемая в новые времена»[7] (тут можно вспомнить Даниила Хармса, Андрея Синявского и других).

Для нас важен тот факт, что то, что раньше вызывало у Гоголя только однозначное неприятие, теперь может быть для него предметом шутки. Хотя и с множеством оговорок. Разъясняя в очередной раз характер Хлестакова в неотправленном письме Пушкину 25 мая 1836 года, Гоголь как бы оправдывается перед ним: «Всякий хоть на минуту… делался или делается Хлестаковым, но, натурально, в этом не хочет только признаться… И наш брат, грешный литератор, окажется подчас Хлестаковым» (Т. 4, с. 352).

Эта двойственность в отношении Гоголя к поэту проявлялась и раньше. В 1832 году Гоголь писал статью «Несколько слов о Пушкине», где с негодованием отзывался о слухах и сплетнях о поэте. А сам почти в то же самое время, в начале 1833 года в письме А.Данилевскому сам не прочь посудачить о нем. «Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирит всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и более необходимость не затащут его в деревню» (Т. 8, с. 57). Гоголь явно передает слухи, потому что сам на балах, где Пушкин «транжирит свою жизнь», не бывает. Но этот слегка покровительственный тон по отношению к нему явно

---

[6] Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. М., 1951, т.4, с. 294.

[7] Прозоров В.В. Хлестаков и Пушкин в сюжете комедии Н.В.Гоголя «Ревизор»// Филология, вып. 5, Саратов, 2000, с. 149-153.

намекает на близость, позволяющую Гоголю делать ему замечания как «гуляке праздному».

Сложность отношения Гоголя к своему кумиру в том и состоит, что он одновременно и негодует на сплетни о поэте, распространяемые толпой, и сам, уподобляясь этой толпе, участвует в распространении мифа о поэте-аристократе, теряющем свой дар в светских увеселениях. С одной стороны, сам пользуется кажущейся доступностью Пушкина, с другой, досадует на эту доступность поэта, позволяющего Хлестаковым фамильярничать с ним и мало заботящегося о своей репутации. Эта досада отчетливо читается в «Ревизоре».

Читается она и в коротком упоминании Пушкина в «Записках сумасшедшего». Хлестаков с Поприщиным вообще, похоже, переписывали бумаги за соседними столами. Оба они побаивались начальника отделения и трепетали перед директором департамента. Оба мечтали о генеральском чине. Это ведь о Поприщине вспоминает Хлестаков: «у нас один чиновник с ума сошел». Оба они – читатели «Северной пчелы». Хлестаков в своем мечтательном вранье «с Булгариным обедает»[8]. Поприщин переписывает оттуда «хорошие стишки: «Душеньки часок не видя, Думал год уж не видал, Жизнь мою возненавидя, Льзя ли жить мне, я сказал». Должно быть, Пушкина сочинение» (Т. 3, с. 68). В этой короткой приписке «должно быть, Пушкина сочинение» - то же ироническое напоминание о приписываемой Пушкину дребедени. И хотя автор процитированных строк одиозный поэт и драматург Н.П.Николев и не выдавал свои стихи за пушкинские, само их сближение тут красноречиво и очень в духе «Северной пчелы».

Популярность «Северной пчелы» в кругу мелких чиновников, бедных горожан и провинциальной публики была феноменальной (в разные годы ее тираж составлял от 1,5 до 9 тысяч экземпляров[9]). Цензор Никитенко во время путешествия по Петербургскому учебному округу писал в своем дневнике: «Вечером был приглашен на бал к одному из здешних почетных чиновников, дамы танцевали с ужимками, а кавалеры все очень не образованные, ничего не читают кроме «Северной пчелы», в которую верят, как в Священное писание»[10]. Эта газета во многом формировала вкусы широкого массового читателя. В том числе и его суждения о Пушкине. ««Северная пчела» не поясняла Пушкина (как потом Белинский), - писал Столпянский, - а высказывала ряд афоризмов, которые легко укладывались в голове у публики, у обывателя, и принимались им за собственное мнение»[11].

Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» высказался по поводу «Северной пчелы» недвусмысленно: «Корзина, в которую сбрасывал всякий все, что ему хотелось» (Т. 7, с. 154). Он в отношении к этому изданию солидарен с Пушкиным. Позже во второй

---

[8] Гоголь Н.В. Полн.собр.соч. М., 1951, т. 4, с. 294.

[9] Рейтбалт А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001, с. 100.

[10] Дневник Никитенко. СПб, 1904, т. 1, с. 248.

[11] Столпянский Н.П. Пушкин и «Северная пчела»//Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Выпуск Х1Х-ХХ. Петроград, 1914, с. 190.

редакции «Портрета» Гоголь спародирует «продажного издателя» (Булгарина) «ходячей газеты» («Северная пчела»), напечатавшего заказную статью «О необыкновенных талантах Чарткова». Угодливо-развязный тон, гиперболические похвалы картин художника, которых никогда не видел якобы бескорыстный журналист-ценитель, - все это многим читателям «Портрета» напомнило хвалебные публикации «Северной пчелы» об откровенно второсортных произведениях.

Зачем же понадобилось Гоголю, рисуя убогий кругозор бедного Аксентия Ивановича Поприщина привести его мнение именно о Пушкине? Зачем понадобилось рисовать этот жалкий римейк, сформированный в бледном воображении примерного читателя «Пчелки»? Вывод напрашивается сам собой – чтобы кольнуть своего учителя. Тем более что это не единственный намек на него в этой гоголевской повести. Жених Софии «камер-юнкер с черными бакенбардами» сравнивается в письме собачки Меджи с дворнягой Трезором. «Все или камер-юнкер, или генерал. Все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам, или генералам», - рассуждает Поприщин… - «Что ж из того, что он камер-юнкер…Ведь через то, что камер-юнкер, не прибавится третий глаз на лбу. Ведь у него же нос не из золота сделан…» (Т. 3, с. 174-176). А ведь придворное звание камер-юнкера присвоено Пушкину как раз в начале 1834 года, когда Гоголь работает над «Записками».

Гоголь держал поэта в курсе дел по изданию сборника «Арабески» в 1835 году. Пушкин, наверняка, был одним из первых читателей вошедших в состав сборника повестей. Так что уколы в свой адрес в «Записках сумасшедшего» не мог не заметить. Так же, как и ироничное упоминание в «Невском проспекте» о бакенбардах, «бархатных, атласных, черных, как соболь или уголь», принадлежавших одной только иностранной коллегии и прогуливающихся в толпе бездельников в дневное время (Т. 3, с. 8). Г.П.Макогоненко считал, что Пушкину не понравились намеки в его адрес в «Ревизоре». В своей книге «Гоголь и Пушкин» он предположил, что после чтения Гоголем «Ревизора» на субботе у Жуковского (18 января 1836 года) поэт высказал Гоголю свое недовольство бестактностью эпизода о том, как «сочиняет Пушкин». И эпизод этот был, якобы, выброшен Гоголем и из сценической редакции, и из первого издания комедии именно после этого неприятного разговора[12].

Мне этот факт кажется сомнительным. Пушкин, который, по воспоминаниям современников, «катался от смеха», слушая комедию в чтении автора[13], вряд ли стал бы упрекать Гоголя. Вспомним, с каким юмором рассказывал он ту самую сплетню о Пушкине-пьянице, которая и легла в основу гоголевского эпизода. В одном из болдинских писем 1833 года жене он писал: «Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия. Как Пушкин стихи пишет перед ним стоит

[12] Макогоненко Г.П. Гоголь и Пушкин. Л., Советский писатель, 1985, с. 254-257.
[13] Панаев И.И. Литературные воспоминания//Панаев Н.И. Полн.собр.соч. СПб, 1888, т.У1,с.68.

штоф славнейшей настойки – он хлоп стакан, другой, третий – и уж начнет писать! Это слава». И дальше: «Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи…»[14] Так что дело тут в самом Гоголе. В этой самой двойственности, в этом чувстве притяжения-отталкивания по отношению к тому, кого он считал своим учителем.

Повесть «Записки сумасшедшего», на мой взгляд, прекрасно демонстрирует эту двойственность. Другая пушкинская аллюзия. Поприщин философствует: «Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник? Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником?.. Ведь сколько примеров по истории: какой-нибудь простой, не то уже чтобы дворянин, а просто какой-нибудь мещанин или даже крестьянин, - и вдруг открывается, что он какой-нибудь вельможа, а иногда даже и государь. Когда из мужика да иногда выходит эдакое, что же из дворянина может выйти?» (Т.3, с. 176). Крестьянин, и вдруг государь. Это ведь из пушкинской «Истории Пугачева».

В начале мая 1833 года Пушкин, по-видимому, рассказывал Гоголю о своей работе над «Пугачевым». Потому что 8 мая Гоголь напишет М.П.Погодину: «Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева. Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман!» (Т. 8, с. 62). До окончания «Истории» еще далеко. Пушкин еще поедет в Оренбург, по местам событий крестьянской войны. И потом в Болдино. Но майский разговор этот шел, чувствуется, не только об «Истории Пугачева», но и о будущей «Капитанской дочке», о художественном решении образа крестьянского царя, о романе. Вот почему этот разговор и эта тема так взволновали Гоголя. 1833 и 1834 годы – время их наиболее интенсивного общения, хлопот Пушкина о гоголевском профессорстве и т.д. Так что разговор этот мог не раз возобновиться. И оставить глубокий след в повести, над которой работал тогда Гоголь. Кстати, в своем декабрьском 1834 года письме он ведь специально привлек внимание Пушкина к этим строкам о «крестьянине-государе», изъятым поначалу цензурой. Ему важно было продемонстрировать факт своего обращения к пушкинской мысли.

Продолжением размышления о «крестьянине и вдруг – государе» могло в какой-то мере стать и само превращение Поприщина в короля. Снова, как не раз бывало и не раз еще будет, мысль, оброненная в разговоре, замечание или устный рассказ Пушкина на лету подхватывается Гоголем, творчески осваивается им и превращается в самобытное чисто гоголевское творение. Если Пушкина во всей пугачевской истории интересовала, прежде всего, противоречивая личность Емельяна Пугачева (и он так по-разному решит этот образ сначала в «Истории Пугачева», а потом в «Капитанской дочке»), то Гоголя интересовал сам факт подмены, сам механизм, сама метаморфоза: сегодня - крестьянин, завтра - царь. Потому что «Записки сумасшедшего» - это повесть о зыбкости бытия, об отсутствии четкой грани

[14] Пушкин А.С. Собр.соч. В 10 томах. Л., 1979, т. 10, с. 352.

между разумом и безумием, между обыденным и невероятным, пошлым и возвышенным. Об этой зыбкости - многие его вещи 30-х годов («все обман, все мечта, все не то, чем кажется»).

И, конечно же, герой мог стать у Гоголя королем только испанским. Потому что Испания в повести – это вообще «странная земля». То ли Испания, то ли Китай. То ли в получасе езды от Петербурга в карете, то ли, возвращаясь оттуда, летишь на некоей космической тройке в небе, оставляя под собой моря и европейские земли. То ли и вовсе это нечто, что есть у всякого петуха под перьями. В пушкинские времена была распространена французская поговорка, которая переводилась дословно как «дворцы Испании». Русским эквивалентом ее была поговорка «замки на песке»[15]. Может быть, еще и поэтому – Испания. Уместно вспомнить здесь и одну из биографических мистификаций Гоголя – его рассказ о вымышленной поездке в Испанию, где на самом деле Гоголь никогда не был. Таким образом, мысль о крестьянине-государе, поданная когда-то в случайном разговоре Пушкиным, преобразилась у Гоголя до неузнаваемости. Как будет еще не раз. И это уже совсем другой разговор.

Мы же попытались только показать в одной и той же гоголевской повести и яркий пример ученичества Гоголя, и читаемые между строк его упреки Пушкину-«гуляке праздному», аристократу-небожителю в барской лени. Примеры этакого «щекотанья своего кумира», по выражению И.П.Золотусского[16].

В своей публицистике 40-х годов, говоря о высокой миссии поэта, о необходимости служения своему народу, о высоких требованиях, которые предъявляются к художнику не только в творчестве, но и в быту, он будет упрекать Пушкина в бесцельности его поэзии, в том, что, представив «полный арсенал поэта», он сам на битву не вышел. «Нельзя служить искусству…, не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано это искусство, нельзя повторять Пушкина», - скажет он (Т. 7, с. 381). Он будет упрекать поэта даже в некоем демоническом соблазне герметического эстетизма, который приводит к забвению «и общества, …и всяких требований земли своей» (Т. 7, с. 358-359). Но это будет в 40-е годы. В 30-е годы свои расхождения с тем, кого Гоголь называл своим наставником, во взглядах на место писателя в обществе он не декларирует. И все-таки господствующий в обществе миф о Пушкине-аристократе и скрытое осуждение поэта просачиваются в его художественную прозу. В виде ироничных уколов и намеков.

---

[15] На этот факт указал автору д.и.н В.С.Листов.
[16] Золотусский И.П. Гоголь. М., 1979, с. 211.